

ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА IX — НАЧАЛА XII в.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ¹

А.С. Щавелев

В статье предлагается первый в историографии подход к концептуализации понятия «древнерусская археологическая культура». До сих пор этот концепт в отечественной археологии казался самоочевидным и как бы не нуждался в специальном описании и анализе. На данный момент существует необходимость его проработки на основе современного уровня накопленных данных с применением теоретического инструментария археологии, предполагающего их рассмотрение в свете исторической, социокультурной и политической антропологии. В статье предлагается периодизация генезиса и эволюции древнерусской археологической культуры: бифуркативный период VIII—IX вв., формативный X в., акматический XI в. и классический XII—XIII вв. Рассмотрены различные компоненты, ставшие основой древнерусской археологической культуры: восточно-викингский (скандинавская и циркумбалтийская традиции), эндемический (традиции славян и культур лесной и лесостепной зоны), номадический (влияния культур Великой степи), византийский (как классический, так и лимесный вклад) и романо-латинский (опять же — классический постримский и лимесный вклад). Показано, что древнерусская археологическая культура возникла в городах, появившихся на рубеже IX—X вв., в середине X — начале XI в. оформились её главные отличительные признаки и только к началу XII в. она охватила всю территорию политического контроля линиджа (династии) Рюриковичей.

Ключевые слова: археологическая культура, археологическая периодизация, древнерусская археологическая культура, раннее Средневековье, славяне, скандинавы, русь.

Щавелев Алексей Сергеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Византии и Восточной Европы Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.

Shchavelev Aleksei Sergeevich, Doctor Habilitatus in History, Leading Researcher in the Department of History of Byzantium & Eastern Europe of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: alexissorel@gmail.com

¹Статья подготовлена в процессе выполнения государственного задания Института всеобщей истории Российской академии наук.

В названии данной статьи заложен скрытый семантический парадокс, который заключается в том, что понятия «археологическая культура» и «древнерусский» интуитивно априори ясны любому читателю, а вот термин «концептуализация», очевидно, нуждается в пояснении. В действительности же дела обстоят ровно наоборот. Наиболее проработанная дефиниция в выбранном мною названии — как раз «концептуализация». Изначально в лингвистике, а затем и в социогуманитарных науках этот термин означает процесс создания когнитивной модели некоего объекта или феномена действительности путём отбора и сопоставления его значимых признаков (Ланге-Соболева 2021). С точки зрения семиотики концептуализация — это процесс «переработки» информации о некоем денотате в его научный концепт, или, иначе говоря, в научную модель.

Несколько сложнее дело обстоит с понятием «археологическая культура», которое сейчас радикально поменяло свой эпистемологический статус, перестав восприниматься в качестве объективного, «прямого», отражения существования исторических (прежде всего этноязыковых и этнокультурных) общностей, а стало аналитической категорией классификации географо-хронологических совокупностей артефактов материальной культуры, объединённых сетевыми связями разной степени плотности (Roberts, Linden 2011; Крадин 2021; Мордвинцева 2021). Между тем большинство аналитических описаний различных археологических культур в отечественной археологии остаются на уровне спекулятивных моделей, построенных в большей степени на историографической инерции, чем на процедурах формализации и концептуализации (см. постановку данной насущной для отечественной археологии проблемы: Мордвинцева 2020). При этом оговорюсь, что радикальный отказ от самого понятия археологической культуры в условиях дефицита метаязыка в современной российской археологии (Лопатин 2014) не будет эвристической панацеей, ведь этот концепт укоренился в терминологическом аппарате и разработан хотя бы на базовом уровне. Тем не менее уже давно следует отказаться от прямолинейных априорных отождествлений археологических культур с зафиксированными письменными источниками народами или территориально-политическими образованиями (политиями). На современном историографическом этапе есть необходимость пересмотра даже самых «самоочевидных» отождествлений и проверки вполне устоявшихся в археологии исторических «лейблов».

В археологии Восточно-Европейской равнины раннего Средневековья (Щавелев, Фетисов 2022а) сложилась достаточно типичная ситуация, когда одни совокупности памятников выделяются по чисто археологическим признакам, а другие привязываются к отдельным народам или политиям. Например, салтово-маяцкую археологическую культуру (культурно-историческую общность) вопреки очевидным географическим несообразностям и хронологическим

нестыковкам большинство исследователей постоянно отождествляют с исторической Хазарией («Хазарским каганатом») и даже используют ложный по своей сути термин «государственная культура Хазарии» (Плетнева 1999: 3, 206—320). Тот факт, что общепризнанной карты территории исторической Хазарии просто не существует, этому отождествлению самым странным образом никак не препятствует. Список таких примеров можно продолжать и продолжать, а сам феномен присвоения археологическим памятникам и их группам исторических названий, равно как и противоположная тенденция изобретения фантомных народов по названиям археологических культур (в древнерусском материале это, например, «роменцы» по названию роменской археологической культуры на левобережье Днепра), уже нуждается в специальном историографическом исследовании.

В древнерусской археологии конца VIII — начала XIII столетия дела с разработкой теоретико-археологических и историко-антропологических вопросов обстоят, наверное, хуже всего, поскольку она всегда развивалась исключительно как археология «государства Русь». Соответственно, археологические древности Восточно-Европейской равнины этого периода почти не были предметом отдельного теоретико-археологического и историко-антропологического осмысления. Понятия «Древнерусское государство» и «древнерусская культура» всегда считались и продолжают считаться самоочевидными (Платонова 2017: 11), соответственно, все археологические памятники, с ними связанные, изучались как их материальные остатки и следы. Пространственно-временной континуум домонгольской Руси определялся фактически по «Повести временных лет» начала XII в. и последующей летописной традиции без какой-либо их критической проверки. А само понятие «древнерусская археологическая культура» почти не использовалось археологами.

Видимо, первым, кто применил данную дефиницию, был Ю.М. Лесман в статье о скандинавском компоненте древнерусской археологической культуры (Лесман 2014). Он датировал её появлением серединой X—XI столетием. Согласно Ю.М. Лесману, эта культура сменила «мозаику» археологических культур VI — первой половины X в. Она формировалась в узловых «точках кристаллизации» — в городах и поселенческих центрах второго уровня вокруг них (Лесман 2014: 44). Географически древнерусская археологическая культура, по мнению исследователя, стала относительно точно совпадать с территорией политики под властью линиджа (династии) Рюриковичей только в середине XI — начале XII в. Подчеркну, что Ю.М. Лесман сразу совершенно правильно указал, что главная проблема изучения генезиса данной культуры заключается в более чем столетнем диспозитивном господстве ретроспективного метода, который заставлял проецировать реалии XII—XIII вв. на XI в., реалии XI в. на IX—X вв. и даже более ранние столетия, иногда вплоть до палеолита. Вторая причина — неразработанность

хронологии, которая была вызвана, с одной стороны, как раз тем, что телеологически-ретроспективные исследования в точной хронологии и не нуждались, а с другой — постоянной привязкой к «готовой» хронологической сетке «Повести временных лет» начала XII в., вопрос о достоверности которой, повторю, вопреки очевидным фактам, даже не поднимался (Щавелев 2020: 22—54).

В XXI в. понятие «древнерусская археологическая культура» постепенно стало входить в исследовательский обиход. Кроме того, очень важно, что одновременно происходила медленная, зачастую слишком осторожная, демаркация совокупностей археологических материалов и исторических данных. Началось то самое «рассечение кентавра» «исторической археологии», о необходимости которого писал ещё Л.С. Клейн (Klejn 1993).

На данный момент нам не известна ни одна синоптическая работа, которая бы давала концептуальную модель или хотя бы обозначала эвристический контур древнерусской археологической культуры. Настоящая статья предлагает предварительную постановку проблем её генезиса, опыт периодизации и обозначение основных компонентов. Обращу ещё внимание, что в работах археологов термин «древнерусская археологическая культура» всё ещё часто не используется, а применяется словосочетание «древнерусская культура», хотя в их текстах речь идёт именно о фиксируемой археологически совокупности традиций материальной культуры, т.е. как раз об археологической культуре.

В предисловии к фундаментальной «археологической панораме» имеющихся в нашем распоряжении данных о территориях, где возникает раннесредневековая Русь, Н.А. Макаров подчёркивает, что «результаты изучения письменных источников и археологических древностей» должны быть «представлены отдельно», «на сегодняшнем этапе исследования такой подход кажется полезным». При этом соединяться или, точнее, сопоставляться должны именно итоговые картины ранней Руси — «историческая и археологическая» (Макаров 2012а: 8). Он датирует «смену эпох» и «радикальное обновление» мира материальных предметов «древнерусских сёл и городов», т.е. момент окончательного формирования собственно древнерусской археологической культуры, рубежом X—XI вв. (Макаров 2012а: 9). В главе, подводящей итоги этого панорамного обзора, Н.А. Макаров обозначает контуры «древнерусской (добавлю, *археологической*. — А.Ш.) культуры» как единой для территории Руси «материальной среды», общность которой «отчётливо засвидетельствована... со второй половины X в.» (Макаров 2012: 459).

Проблемы обновления перспектив исследований «древнерусской (опять же добавлю, *археологической*. — А.Ш.) культуры» были относительно недавно обозначены Н.И. Платоновой (Платонова 2017). Согласно ей, древнерусская (археологическая) культура как устойчивая

гомогенная структура сформировалась «не ранее начала XII в.», а IX—XI вв. — это период мозаичного конгломерата разнородных традиций и элементов (Платонова 2017: 9, 11). В её статье правильно обращается внимание на то, что картина «политического объединения Руси» в конце IX в., которая рисуется исходя из летописных текстов, не совпадает с той, которая бы была построена по одним археологическим данным (Платонова 2017: 12). Следует полностью согласиться с выводом данной статьи, заключающимся в том, что существующие общие представления о древнерусской археологической культуре в значительной степени устарели и нуждаются в пересмотре с точки зрения культурной антропологии (Платонова 2017: 26).

Опираясь на итоги современных археологических исследований, сейчас можно предложить в качестве рабочей гипотезы следующую хронологическую периодизацию древнерусской археологической культуры:

- 1) VIII—IX вв. — *бифуркативный период*, или *фаза ноль*;
- 2) X в. — *формативный период*, или *фаза точек кристаллизации*;
- 3) XI в. — *акматический период*, или *фаза гомогенности и максимальной дисперсии*;
- 4) XII—XIII вв. — *классический период*, или *фаза нормативности и региональной фрагментации*.

Компоненты древнерусской археологической культуры складываются в своего рода «розу ветров» импульсов разной степени интенсивности:

- 1) *восточно-викингский* — древнескандинавские и шире — циркумбалтийские традиции;
- 2) *эндемический* — как древнеславянские, так и аборигенные традиции культур лесной и лесостепной зоны;
- 3) *номадический* — традиции культур Великой степи;
- 4) *византийский* — классическая ромейская и лимесные (дунайско-причерноморские) традиции;
- 5) *романо-латинский* — классическая постримская (посткаролингская) и лимесные (мораво-чешско-польские и мадьярские) традиции.

В *бифуркативный период* VIII и IX столетий на территории Восточно-Европейской равнины встретились две волны колонизации: древнеславянская с юга и древнескандинавская с севера (Еремеев, Дзюба 2010: 7—12, 518—527). Их встреча произошла в «ильменско-днепровском коридоре», который стал стержнем будущей Руси (см. карту-схему точек соприкосновения славянской колонизации VI—VII вв. и скандинавской VIII в.: Еремеев 2015: 19). Первая волна — древнеславянская: археологически это были носители «постпражских» традиций материальной культуры (Гавритухин 2009), как минимум, часть из них являлась славяноязычной, а ещё какая-то часть использовала самоназвание *словъне* (Кулешов 2012). Вторую

волну составляли носители древнескандинавской и циркум-балтийских традиций (Randsborg 2000; Androshchuk 2013; Duczko 2004), правильной всего её можно характеризовать как традицию восточной части диаспоры викингов (Jesch 2015). Таким образом, предыстория древнерусской археологической культуры, её *фаза ноль* была периодом, когда происходили встреча и гибридизация скандинавских и славянских этнокультурных традиций.

Вклад скандинавского компонента в древнерусскую археологическую культуру был тщательно очерчен Ю.М. Лесманом (Лесман 2014). В бифуркативный период появляются две «колонии» носителей восточно-викингских традиций материальной культуры — в VIII в. Ладога (др.-сканд. *Aldeigja/Aldeigjuborg*) и в IX в. «Рюриково» городище (др.-сканд. *Hólmgarðr*). Группы выходцев со Скандинавского полуострова в IX в. обитали в Изборске, Витебске, на Супрутском и Сарском городищах (Щавелев, Фетисов 2017). В IX в. появляется зачаток поселения неясного происхождения на территории Гнёздовского археологического комплекса (Мурашева и др. 2020). Это были крайние точки, которые достигались единичными торговцами, ремесленниками или наёмниками скандинавского происхождения и носителями циркум-скандинавской материальной культуры. Ключевым городом диаспоры викингов IX в. была Ладога — самый восточный город-порт на юго-юго-восточном побережье Балтийского моря (Мусин, Станиславски 2022). Таким образом, южнее Верхнего Поднепровья следов инвазии носителей циркум-балтийских традиций материальной культуры не фиксируется.

Огромные территории между Одером и Доном и между Балканами и южной Балтикой были охвачены носителями постпражских традиций материальной культуры (Гавритухин 2009), значительная часть из которых являлась носителями славянского языка и соответствующего хозяйственно-культурного типа. Полный критический обзор проблемы определения появления славян на разных территориях Восточно-Европейской равнины и соседних макрорегионов сделан Ф. Куртой (Curta 2021). Парадоксальным образом до сих пор нет современного синоптического свода данных о вкладе совокупности традиций материальной культуры разных групп славян в древнерусскую археологическую культуру. Хотя ясно, что именно древнеславянский хозяйственно-культурный тип лёг в основу древнерусской сельскохозяйственной производящей экономики, сосредоточенной в пригородах и «древнерусской деревне» (Макаров 2007). Древнерусское комплексное сельское хозяйство было оптимально адаптировано для условий лесной и лесостепной зоны, и данный хозяйственно-культурный тип просуществовал в различных вариациях до «промышленного переворота» Нового времени (Милов 2006: 29—348).

Разумеется, в этот период свою роль в становлении будущей древнерусской археологической культуры играли и разноязычные

(финно- и балтоязычные, возможно, реликтовые ираноязычные и др.) носители аборигенных (условно — «дославянских») традиций материальной культуры лесной и лесостепной зоны. Следует согласиться с А.А. Формозовым, что вклад туземных культур лесной зоны в культуру и экономику будущей Руси серьёзно недооценён (Формозов 2002: 140) и требует отдельного исследования (см. о мире финноязычных народов в ареале хинтерленда Ладоги: Korpela 2008; и шире — о всей ситуации в лесной зоне: Musin 2020).

В первой половине — середине IX в. появляются первые достоверные сообщения письменных источников об общности с названием *русь* (др.-русск. *роушь* < др.-сканд. **rōþR-*). В IX в. определить её тип с полной уверенностью невозможно. Однако представители этой общности были, видимо, двуязычны, использовали какой-то диалект древнескандинавского и какой-то диалект древнеславянского. Возможно, впрочем, что двуязычие отсутствовало, а одна часть руси говорила по-древнескандинавски, а другая — по-древнеславянски. Поскольку места обитания групп руси в пределах Восточно-Европейской равнины невозможно локализовать, с ней невозможно уверенно связать ни один археологический комплекс или традицию материальной культуры (Щавелев 2023). Ясно только, что эта общность находилась в зоне распространения материальной культуры выходцев со Скандинавского полуострова и бассейна Балтийского моря, между побережьем Балтики и Верхним Поднепровьем (Щавелев, Фетисов 2017). Какая именно часть «диаспоры викингов», фиксируемая на Восточно-Европейской равнине в IX в. сугубо археологически, считала себя или считалась русью, точно установить невозможно.

Особо подчеркну, что в данный период говорить об особой древнерусской археологической культуре, видимо, ещё нельзя. Либо она не сформировалась, либо у неё не было ярких отличительных черт, либо они не отразились в археологических материалах, либо не поддаются выявлению имеющимися методами. Поиск истоков отдельных традиций древнерусской археологической культуры X в. в предшествующих столетиях возможен на сколь угодно далёкую «глубину» прошлого, но её удревнение даже до IX в. видится не более чем следствием историографической инерции. Этнокультурные процессы IX в. были столь стохастичны, что в их итоге могла возникнуть почти любая новая конфигурация археологической картины. Именно в этом заключается главный парадокс IX столетия — общность русь уже сформировалась и фиксируется письменными источниками, а материальная культура, которая будет для неё характерна в дальнейшем, ещё не сложилась или явно не выделилась. Общность русь пока остаётся носителем общего восточно-викингского скандинаво-циркумбалтийского комплекса бытовых и престижных предметов.

Таким образом, IX в. требует совершенно отдельного, «индивидуального» подхода, он должен изучаться не как первое столетие древне-

русской археологической культуры и тем более не как первое столетие «Древнерусского государства», а как совершенно отдельный, особый переходный этап. В политическом и этнокультурном смысле древнерусская археологическая культура X—XI вв. представляла собой качественно новый феномен и по отношению к восточно-викингской археологической культуре VIII—IX вв., и по отношению к славянским археологическим культурам VI—XI вв., а также, конечно, и другим предшествующим и синхронным культурам народов Восточно-Европейской равнины.

Формативный период древнерусской археологической культуры наступает на рубеже IX—X вв. и продолжается до начала или середины XI в. В это время древнерусская археологическая культура представляет собой совокупность крупных стационарных поселений (городов) и сопутствующих им некрополей. Они были точками её кристаллизации и дальнейшей иррадиации. Представляется, что эталонными памятниками формативного периода нужно считать археологические комплексы, которые состоят из укрепленной цитадели (городища), портовой зоны, городского могильника и субцентров второго уровня (Михайлов 2012; Пушкина 2012; Фетисов 2018; Shchhavelev 2020; Щавелев, Фетисов 2022). В эту основную группу эталонных памятников по указанным признакам можно включить Киев, Шестовицкий археологический комплекс (*Kjarravellir?), Гнёздовский археологический комплекс (*Sýrnesgarðr) и Ладогу, а также «Рюриково» городище (Hólmgarðr) (нет могильника и открыт вопрос о центрах второго уровня), Новгород на Волхове (нет могильника), Псков (открыт вопрос о портовой зоне и центрах второго уровня) и Чернигов (открыт вопрос о портовой зоне) (см. последние историографические обзоры: Михайлова 2019; Платонова 2019). Эти города были точками сборки ранней древнерусской археологической культуры (Макаров 2012: 459). Именно в них окончательно сформировался уже народ русь с особой самоидентификацией и своими социокультурными традициями и особенностями (см. полный обзор источников и историографии проблемы этногенеза руси в IX—XI вв.: Щавелев 2023). Древнерусская археологическая культура в X в. ещё не сформировала собственный устойчивый ареал — отдельную «историко-культурную область», а представляла собой несколько лишь частично связанных городов — точек её иррадиации. В них в X в. происходила стихийная первичная христианизация населения (Мусин 2002: 10—13, 59—65).

За показательными и объяснимыми исключениями в виде более ранних Ладоги и «Рюрикова» городища все перечисленные города X в., в которых сложилась древнерусская археологическая культура, появились и стали крупными политическими и экономическими центрами в последней четверти IX — первой половине X в. (см. в минимальной степени устаревший обзор: Щавелев, Фетисов 2017: 306—314). Эти города зачастую возникали на местах мелких и средних поселений

более раннего времени, но свой полноценный функционал и статус они обрели только к X в., а их расцвет приходится на середину — вторую половину этого столетия.

Все перечисленные центры урбанизации являлись одновременно и эмпориями, и локальными политическими центрами. Как эмпории они были узлами восточно-европейского фрагмента инфраструктуры глобальной евразийской системы торгово-коммуникационных связей (Леонтьев, Носов 2012; Коновалова, Мельникова 2018). Как локальные политические центры они были своего рода «столицами» двух-трёхуровневых поселенческих систем. В качестве эмпориев они аккумулировали ресурсы глобальной экономики евразийской мир-системы, а в качестве политических центров являлись точками иррадиации новых форм материальной культуры и, соответственно, новых социокультурных паттернов в центры урбанизации второго уровня и далее на периферию зоны своего контроля.

Весь X в. на Восточно-Европейской равнине был временем появления, развития и угасания простых и сложных вождеств, реконструкцию территорий большинства из которых ещё предстоит сделать. Киев, Чернигов, «Рюриково» городище и сменивший его в X в. Новгород-на-Волхове, Гнёздовский археологический комплекс и, видимо, Псков являлись центрами среднemasштабных локальных политий, которые были либо вождествами, либо их аналогами (см. реконструкцию двух таких политий — с центром в Киеве и с центром в Гнёздовском археологическом комплексе: Shchavelev 2020; Щавелев, Фетисов 2022).

Все городские могильники X в. были биритуальными, в них фиксируются и трупосожжения, и трупоположения, причём в середине — конце X в. в их составе растёт число трупоположений, что отличает их от соседних синхронных кладбищ Восточно-Европейской равнины (Михайлов 2012: 17; Пушкина 2012). Элита первых древнерусских городов X в. практиковала несколько основных погребальных обрядов: трудозатратные захоронения в так называемых больших курганах с богатым инвентарём (Еремеев и др. 2010; Androshchuk 2013: 131—144); захоронения в ладьях и лодках или с частями лодок, что не суть важно, поскольку речь идёт о метонимическом символе (Стальсберг 1998; Сорокин 2018); в деревянных камерах (Михайлов 2016; Janowski 2015) и в сопках (Петренко 1994; Петров 1999; Еремеев 2007). При этом обряды могли «совмещаться»: над сожжением в ладье насыпался большой курган, а фрагменты лодок использовались в камерных захоронениях, не ясно также соотношение традиций «больших курганов» и сопкок. Основная же масса населения погребалась в рядовых курганах, которые удачно были названы «курганами гнёздовского типа» (Еремеев, Дзюба 2010: 513). Самый ранний «городской» могильник Ладоги около урочища Плакун в Нижнем Поволховье, датирующийся второй половиной IX? — началом X в., содержит

и камерные погребения, и погребение с деталями лодки (Михайлов 2016: 49, 51, 227; Сорокин 2018: 240—241). Обряд погребений в сопках совершался в течении IX—X вв., ранние сопки IX в. локализуются в Поволховье (Петренко 1994: 87—91), а основная часть относительно узко датированных сопок были возведены в X в. Камерные захоронения существуют на протяжении всего X в. и продолжали проводиться в XI в. (Михайлов 2016: 91—94, 248—249; Janowski 2015: 8, 97—98). Самый поздний «большой курган» с сожжением в ладье (лодке), в которой был погребён правитель Чернигова по имени Чернь/ь (Шевченко 1999: 11; Щавелев 2007; 2013), определяется с помощью радиоуглеродного AMS-датирования промежутком 980—1025 гг. и по вещевому комплексу может быть отнесён к рубежу X и XI вв. (Шевченко 1999: 13—14, 20; Kainov 2022: 169).

Письменные источники фиксируют, что русь в X в. практикует два погребальных обряда: трупосожжение в ладьях и лодках и трупоположение в деревянных камерных гробницах (Щавелев 2023). Таким образом, какие-то камерные погребения и сожжения в ладьях (лодках), безусловно, принадлежат данному народу. Однако очевидно, что и представители других общностей могли использовать такие же обряды похорон своих элитариев. Ни один из них нельзя считать эксклюзивной «этнокультурной монополией» народа русь. Какая именно общность или общности практиковали обряд погребения в сопках, пока сказать с полной уверенностью невозможно.

В X в. локализация народа русь чётко фиксируется письменными источниками в Среднем и Верхнем Поднепровье, группы руси добирались до Поволжья. С большой долей вероятности какая-то часть руси обитала и северней — в Приильменье и Поволховье, но там уверенно отделить её материальную культуру от других местных сообществ невозможно. В X в. достоверно документируется славяно-скандинавское двуязычие народа русь, а именослов элиты руси в X—XI вв. весь состоит из древнеславянских, древнескандинавских и христианских имён. Следует отказаться от трактовки руси как военно-торговой корпорации или элитарной этносоциальной группы (страты) полиэтнической политии, поскольку вся совокупность данных письменных источников показывает, что был именно народ, аналогичный любому другому народу раннего Средневековья, например франкам, готам, аварам или тюркам (см. полный обзор проблемы: Щавелев 2023). Тот факт, что русью достоверно практиковалось как минимум два разных погребальных обряда, заставляет подозревать, что группы этого народа могли различаться по своим этнокультурным характеристикам.

В X в. носители древнерусских традиций материальной культуры оказались в числе народов, попавших в зону лимеса Ромейской (Византийской) империи (Щавелев 2021: 27—29). Влияние культуры народа ромеев и лимесных сообществ, входящих в зону их прямого

влияния, формировало ключевые презентационные формы элитарной культуры: монетный чекан, парадный костюм (с явной модой на шёлковые ткани разных видов), предметы личного христианского благочестия, дорогие украшения и бижутерия (Musin 2010). В середине X — середине XI в. в первых древнерусских городах появляется первое поколение носителей христианских предметов личного благочестия и повседневного быта (см. не совпадающую с ритмами становления древнерусской археологической культуры периодизацию процессов христианизации территорий Восточно-Европейской равнины и формирования церковной организации на Руси: Мусин 2002: 215—216).

В X в. на территории распространения древнерусской археологической культуры фиксируется несколько общностей, которые были связаны с городами — точками её кристаллизации. В X—XI вв. (Щавелев 2023) в Приильменьи формируется общность (народ?) словен (Петров 2017). Предположительно в конце X в. и более достоверно в первой половине XI в. на территории Руси появляются общности варягов и колбягов, этносоциальный тип которых является предметом дискуссий (Danilenko 2004; Sheel 2015; Циммерлинг 2021). Причём русь, словен, варягов и колбягов нельзя безусловно «привязать» к известным перечисленным выше погребальным обрядам. Например, не доказано, что словене хоронили своих мертвецов только в сопках, а, скажем, русь — только в деревянных камерах. Не ясно, какой обряд погребения использовали варяги и колбяги и отличались ли они в плане материальной культуры от руси и словен. Таким образом, на территории распространения древнерусской археологической культуры в X—XI вв. обитало сразу несколько общностей, которые были носителями её традиций, причём, кроме руси, словен, варягов, колбягов, возможно, имелись и другие, например загадочные *буряги, от которых остался только лингвистический след (Shchhavelev 2020: 283—284). Ещё целый ряд народов и общностей X в. мы пока не рассматриваем, однако даже вышеперечисленных достаточно, чтобы понять, что нельзя безоговорочно отождествить народ русь с древнерусской археологической культурой. Традиции древнерусской материальной культуры могли перениматься как подчинёнными сообществами руси, так и независимыми от неё пограничными общностями самой разной этнокультурной и этноязыковой принадлежности. Общность русь сама также неоднократно меняла свои этнокультурные характеристики, как в ходе эндогенной социальной эволюции, так и под влиянием внешних импульсов.

Ядром почти любой традиции материальной культуры являются мужская (маскулинная) и женская (феминная) субкультуры. В древнерусской археологической культуре обе части данной бинарной оппозиции были чрезвычайно яркими. Эта исключительная яркость обеих гендерных составляющих отличает древнерусскую археологическую

культуру от многих других архаических традиций. Отмечу, что в престижных камерных гробницах хоронились и мужчины (67%), и женщины (31%) (Михайлов 2016: 77—81). Иными словами, в элитах городов — точек кристаллизации древнерусской археологической культуры X в. — откровенной гендерной дискриминации не наблюдается.

Мужская субкультура отличается исключительной степенью милитаризации. В течение X в. «морская пехота» викингов превращается в конное войско номадически-византийского типа. Военно-всадническое снаряжение формируется под прямым влиянием культур народов Великой степи (Каинов 2014; 2018). Этот процесс появления и распространения всаднической субкультуры продолжается вплоть до начала XII столетия.

Уже в X в. фиксируются древнерусские погребения тяжёлых «бронированных» кавалеристов («катафрактов») и конных лучников (условно, сагиттариев). Именно таким тяжеловооружённым конным воином, у которого, видимо, имелся в комплекте лук, был «князь» Чернь/ь из Чёрной могилы, причём у него была стрела с уникальным роскошно орнаментированным наконечником (Каинов и др. 2021). Уже самый ранний могильник около урочища Плакун недалеко от Ладоги содержит камерное погребение СЛ-2 (по К.А. Михайлову), в составе инвентаря которого был колчан со стрелами и два коня (Михайлов 2016: 227). В могильниках Гнёздовского (Ц-255) и Шестовицкого (№ 42 и 110) археологических комплексов есть минимум три погребения, где в сопроводительный инвентарь входят лук и конь (Хамайко 2017; Каинов 2018).

Следует отметить, что в Евразии периода поздней Античности и раннего Средневековья выжили лишь те народы, культуры которых восприняли военные технологии Великой степи (Cardini 2014). Именно на их основе сформировался комплекс вооружения рыцарей постримского романо-латинского латинского мира, катафрактов и трапезитов греко-ромейского мира и, собственно, дружины на Руси. Поскольку Русь находилась на границе Великой степи, а частично даже охватывала её территории, то была неизбежна «скифизация» (удачный термин А. Пароня: Paroń 2021: 63), или «номадизация» (ещё более точный термин С.Ю. Каинова: Каинов 2014: 100), русских воинов. Именно такую «скифизацию», или, точнее, «сарматизацию», прошли в III—IV вв. попавшие в Причерноморье готы (Paroń 2021: 63). Кроме того, следует помнить, что византийская армия, в которой в X в. послужила и с которой неоднократно воевала значительная часть народа русь, ещё с римского времени была исключительно номадизирована, в ней широко использовалась и тяжёлая кавалерия, и конные лучники (McGeer 2008: 35—39, 206—208, 211—217), следовательно, часть «степных» военных технологий могла попасть на Восточно-Европейскую равнину не напрямую из Великой степи, а опосредованно — через Византию (см. постановку вопроса: Каинов 2014: 100).

Феминная гендерная субкультура была наиболее ярко выражена в ювелирном уборе. В IX — начале X в. единый древнерусский парадный женский ювелирный убор ещё не сложился, он складывается «не ранее середины X в.», но уже «в середине X — начале XI в. на Руси существовал ювелирный убор, объединённый общностью техники» (Рябцева 2005: 277—278). Причём этот убор создавался мастерами, работавшими в русле западнославянских (лимесно-романских, в основном — подунайских) и североевропейских технологий и образцов (Рябцева 2005: 281).

Таким образом, формативный период распадается на два этапа — с рубежа IX—X вв. по середину X в. возникают новые центры урбанизации, которые были точками кристаллизации древнерусской археологической культуры; а с середины X по начало XI в. формируются её отличительные мужская и женская субкультуры.

Акматический период древнерусской археологической культуры в целом может датироваться XI в., с учётом условности археологических датировок и специфики разных регионов Руси — концом X — началом XII в. В это время древнерусская археологическая культура достигает своих максимальных границ и происходит культурная унификация и технологическая стандартизация (гомогенизация) её ключевых элементов. В указанный период экспансия политики Рюриковичей и колонизация различных групп носителей формирующихся древнерусских традиций распространяются на несколько новых макрорегионов, которые будут значимыми частями Руси XII—XIII вв. В промежутке между концом X (Моргунов 2019: 73—105) и серединой XI в. (Григорьев, Сарачев 1999: 346—351) происходит завоевание левобережья Днепра политией Рюриковичей и полное уничтожение роменской археологической культуры. В XI в. наступает решающий этап освоения северо-восточного макрорегиона: здесь фиксируется появление первых относительно крупных древнерусских городов — Ростова, Суздаля, Белоозера, Ярославля, Углича и Клещина (Макаров 2017: 61).

Одновременно в XI в. исчезают такие «мегаполисы» X в., как «Рюриково» городище, Гнёздовский и Шестовицкий археологические комплексы. Остальные же крупнейшие города X в. переходят в новый, акматический, период уже в новых качествах. Киев становится «столицей» доминирующей империи Рюриковичей, которая начинает трансформироваться из сложного вожества в раннее государство (Shchavlev 2020). Новгород-на-Волхове со второй половины X — начала XI в. становится ключевым политическим центром для контроля северных территорий империи Рюриковичей, обретая статус её «северной столицы». Чернигов в XI в. на короткое время становится «столицей» независимого княжества, и были все шансы, что он превратится в центр альтернативного раннего государства под руководством князя Мстислава Владимировича и его сына Евстафия (Щавелев 2012).

В XI в. меняются традиции погребального обряда. На рубеже X—XI вв. было совершено последнее сожжение в ладье (лодке) «князя» Черна в Чёрной могиле около Чернигова (см. выше), постепенно исчезают обряды погребения в «больших курганах» и сопках. Обряд трупопожжения в целом уходит в прошлое и сохраняется лишь в качестве рудиментарных практик и откровенно периферийного анахронизма. Продолжаются погребения в деревянных камерах, однако появляется обновлённый обряд поздних камерных погребений («погребений в больших ямах с деревянными конструкциями», или «квази-камерах»). Такого рода поздние камеры найдены в XI в. в самом широком географическом диапазоне, почти на всей территории Руси и за её пределами — в Польше и на южном побережье Балтийского моря (Janowski 2015: 24—25). Недавно были обнаружены новые поздние камеры в могильнике Шекшово в Суздальском ополье (Макаров, Зайцева 2016: 193—197). Вполне очевидно, что элитарии формирующихся ранних государств XI в., прежде всего Руси и Польши, в новых условиях воспроизводили с некоторыми модификациями «классическую традицию» камер X в. На Руси в XI в. появляется и распространяется новая обрядовая практика грунтовых кладбищ с безынвентарными и малоинвентарными могилами (Моця 1990: 53—66, 109—110, 132—139; Мусин 2002: 33—58; Макаров, Зайцева 2016: 186—187).

В результате этих революционных процессов к началу XII в. практически на всей территории сложившейся политики Рюриковичей и земель, находящихся в сфере её влияния, появляется однородная иерархическая сетевая структура однотипных по своей фортификации городищ (Моргунов 2009) с кластерами селищ вокруг них (Куза 1996). Древнерусские города в отличие от эмпориев — политических центров X в. с единичными поселениями-спутниками (их мини-копиями) — становятся центрами сложных геоэкономических систем, которые почти полностью укладываются в модель «центральных мест» поселенческо-экономических «решёток» В. Кристаллера (Christaller 1972). В этих урбанизированных кластерах начинается массовое ремесленное производство гончарной керамики, стандартизированных под рыночную торговлю бытовых предметов, ювелирных изделий, бижутерии и т.п. (Древняя Русь 1985; Древняя Русь 1997). К началу XII в. завершается создание всаднической субкультуры древнерусской дружины, основанной на сочетании скандинавских, степных и византийских традиций с местными инновациями. В середине XI в. происходит смена женского ювелирного убора, после чего появляется «масса новых типов ювелирных украшений», источником этих тенденций моды, как «тяжёлого люкса» для знати, так и повседневной бижутерии для обычных горожанок и селянок, была Византия (Рябцева 2005: 278—281). Собственно, в XI в. происходит и реальное массовое приобщение к христианству основных

регионов Руси, и становление в её пределах относительно регулярной церковной иерархии и церковно-приходской системы (Мусин 2002: 91—177, 216—222). Соответственно, XI столетие — это первый век истории древнерусской церкви и её культуры (Мусин 2002: 10). В целом Русь XI в. представляет собой, с одной стороны, один из вариантов провинциально-византийской материальной культуры, а с другой — органичную часть раннесредневековой Европы.

Наступление в XII в. *классического периода древнерусской археологической культуры*, во время которого происходит её окончательная нормативная стандартизация (Johnson 2020: 22—79) и одновременно активно идет её региональная фрагментация, уже выходит за пределы проблематики генезиса данной культуры. Однако следует обратить внимание, что для полноценного понимания ситуации на Руси XII столетия требуется новое осмысление самого феномена народа русь XI—XIII вв., который в отечественной историографии было принято называть «древнерусской народностью» (см. последний учебно-историографический обзор: Мельникова 2018). Пока же материальная культура Руси XII столетия хорошо исследована только на уровне чистой дескрипции, но мало осмыслена на уровне аналитических моделей исторической и политической антропологии.

В XIII в., во время и после включения основных территорий распространения древнерусской археологической культуры в империю Чингизидов, происходит трансформация её системных основ. Рассмотрение этого процесса, с одной стороны, находится за пределами круга задач изучения генезиса указанной культуры, а с другой — он хорошо осмыслен на самом современном уровне (Макаров 2003; Чернецов 2003; Данилевский 2016; Трепавлов 2021; Крадин, Скрынникова 2022).

Сейчас вполне очевидно, что древнерусский мир материальной культуры возник в эмпориях — политических центрах, появившихся на рубеже IX—X вв. на Восточно-Европейской равнине между Поволховьем и Средним Поднепровьем, а в середине X — начале XI в. оформились её главные отличительные признаки и наиболее яркие черты. К началу же XII в. она охватила всю территорию политического контроля линиджа (династии) Рюриковичей и стала проникать в некоторые сопредельные районы. В середине XI—XII в. вполне очевидное единство традиций материальной культуры явно было одним из значимых интегральных факторов консолидации Руси (Макаров 2012: 459) и, видимо, одной из основ идентичности народа (этнокультурной общности) русь, который на протяжении всей своей ранней истории был разделён в X — начале XI в. между отдельными политиями, а в XI—XII вв. между автономными частями (княжествами) генеалогической конфедерации линиджа (династии) Рюриковичей.

ЛИТЕРАТУРА

- Гавритухин И.О. 2009. Понятие Пражской культуры. *Труды Государственного Эрмитажа. № 49. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света.* СПб., 7—25.
- Григорьев А.В., Сарачев И.Г. 1999. О времени гибели Роменской культуры. *Труды VI Международного конгресса славянской археологии.* Т. 5: История и культура древних и средневековых славян. М.: УРСС, 341—353.
- Данилевский И.Н. 2016. Русские земли в правовой системе улуса Джучи. *Труды по россиеведению.* № 6, 201—219.
- Древняя Русь 1985: Древняя Русь. Город, замок, село. *Археология СССР.* Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука.
- Древняя Русь 1997: Древняя Русь. Быт и культура. *Археология СССР.* Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука.
- Еремеев И.И. 2007. Новгородские сопки и большие курганы Средней Швеции: проблемы сравнительного исследования. *У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник.* СПб.: Дмитрий Буланин, 240—255.
- Еремеев И.И. 2015. *Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья).* СПб.: Нестор-История.
- Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. 2010. *Очерки исторической географии лесной части пути «Из варяг в греки». Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень.* При участии О.В. Лисицыной, О.А. Тарабардиной, И.Ю. Дымской, М.В. Саблина, А.В. Даниловой, Е.Ю. Мещеряковой. СПб.: Нестор-История.
- Еремеев И.И., Янссон И., Сёдерберг С. 2010. Курган в Вибю (Уппланд) и проблема происхождения больших «дружинных» курганов Древней Руси. *Диалог культур и народов средневековой Европы.* К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 206—223.
- Каинов С.Ю. 2014. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств. *Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего Средневековья.* Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле», 98—101.
- Каинов С.Ю. 2018. Погребения с предметами вооружения Гнездовского некрополя. *Труды ГИМ. Вып. 210. Гнездовский археологический комплекс. Материалы и исследования.* Вып. 1. М.: ГИМ, 211—339.
- Каинов С.Ю., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Глазков В.П., Мурашев М.М., Преснякова Н.Н., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. 2021. Наконечник стрелы из кургана Чёрная могила: новые результаты исследований. *Российская археология.* № 2, 108—122.
- Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. 2018. *Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX—X веков.* М.: Весь мир.
- Крадин Н.Н. 2021. Археологические культуры и конструирование этничности. *Антропология и этнология: современный взгляд.* К юбилею акад. В.А. Тишкова. Отв. ред. А.В. Головнев и Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 374—387.
- Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. 2022. *Империя Чингис-хана.* М.: Академический проект.

- Куза А.В. 1996. *Древнерусские городища X—XIII вв. Свод археологических памятников*. М.: Христианское издательство.
- Кулешов В.С. 2012. Ещё раз о восточноевропейской топонимической основе *šlaц- в связи с этнонимией *šlaц-ēn-aј и проблемой происхождения древнейших словен. *Истоки славянства и Руси*. Сб. ст. по материалам X чтений памяти А. Мачинской. СПб., 128—139.
- Ланге-Соболева Т.А. 2021. Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике. *Наука и образование сегодня*. № 6 (65), 27—32.
- Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. 2012. Восточноевропейские пути и торговые связи в конце VIII—X вв. *Русь в IX—X веках. Археологическая панорама*. Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности севера, 383—401.
- Лесман Ю.М. 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры. *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. № 5, 43—93.
- Лопатин Н.В. 2014. О задачах составления справочника терминов культурно-хронологической атрибуции в археологии России. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 236. Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ЯСК, 365—369.
- Макаров Н.А. 2003. Русь в XIII веке: характер культурных изменений. *Русь в XIII в. Древности тёмного времени*. Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 5—11.
- Макаров Н.А. 2007. Археологическое изучение древнерусской деревни X—XIII веков. *Археология северорусской деревни X—XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. I. Поселения и могильники*. Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 7—20.
- Макаров Н.А. 2012. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий. *Русь в IX—X веках. Археологическая панорама*. Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности севера, 449—459.
- Макаров Н.А. 2012а. Предисловие. *Русь в IX—X веках. Археологическая панорама*. Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности севера, 6—9.
- Макаров Н.А. 2017. Урбанизация Северо-Восточной Руси в XI — первой половине XIII в.: размеры городских территорий. *Российская археология*. № 4, 57—69.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. 2016. Бескурганые ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в. *Археология Владимиро-Суздальской земли*. Материалы научного семинара. Вып. 6. Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 186—199, 343—346.
- Мельникова Е.А. 2018. *Существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси (Трудные вопросы истории России)*. М.: ГАУГН-Пресс.
- Милов Л.В. 2006. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН.
- Михайлов К.А. 2012. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX—X вв. (к юбилею одной статьи). *Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства*. Материалы междунар. науч. конф. Отв. ред. С.Д. Захаров. Вологда: Древности севера, 5—20.
- Михайлов К.А. 2016. *Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI в. в контексте североевропейских аналогий*. СПб.: Бранко.
- Михайлова Е.Р. 2019. Древнерусские города в эпоху викингов. Новые книги о давней проблеме. *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. № 5. «Огнём и мечом», 383—393.
- Моргунов Ю.Ю. 2009. *Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII веков*. М.: Наука.

- Моргунов Ю.Ю. 2019. *Историческая география Переяславской земли (Святослав Игоревич — Ярополк Владимирович)*. Вологда: Древности Севера.
- Мордвинцева В.И. 2020. Сарматская археологическая культура: от спекулятивной модели к сетевой. *Вестник древней истории*. № 80 (4), 1062—1083.
- Мордвинцева В.И. 2021. Сетевые связи варварских элит Волго-Донского региона (III в. до н.э. — сер. III в. н.э.). *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 3—59.
- Моця А.П. 1990. *Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка.
- Мурашева В.В., Панин А.В., Шевцов А.О., Малышева Н.Н., Зазовская Э.П., Зарецкая Н.Е. 2020. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования. *Российская археология*. № 4, 70—86.
- Мусин А.Е. 2002. *Христианизация Новгородской земли в IX—XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Мусин А.Е., Станиславски Б.М. 2022. Ладога и Волин как узловые центры трансбалтийских контактов между польскими землями и Северо-Западом Восточной Европы в X в. *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. № 5, 361—382.
- Петренко В.П. 1994. *Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволжья*. СПб.: Наука.
- Петров Н.И. 1999. *Могилы превысокие: Языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII—XI вв.* Будапешт: Open Society Institute.
- Петров Н.И. 2017. Словенин «Русской Правды» и словене «Повести временных лет». *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1, 31—51.
- Платонова Н.И. 2017. Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований. *Élite ou égalité. Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII—XII вв.* Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Бранко, 9—29.
- Платонова Н.И. 2019. Проблема становления города в Северной Руси: заметки археолога. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 2, 109—134.
- Плетнева С.А. 1999. *Очерки хазарской археологии*. М.; Иерусалим: Мосты культуры.
- Пушкина Т.А. 2012. Раннегородские могильники Древней Руси IX—XI вв. (несколько общих наблюдений). *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в. (по материалам раскопов на территории Среднего города)*. Т. 1. СПб.: Нестор-История, 5—25.
- Рябцева С.С. 2005. *Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования*. СПб.: Нестор-История.
- Сорокин П.Е. 2018. Погребальные ладьи на территории Древней Руси. *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. № 5, 235—250.
- Стальсберг А. 1998. О скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси. *Историческая археология. Традиции и перспективы*. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 277—287.
- Трепавлов В.В. 2021. «Русский улус» Золотой Орды. *Российская история*. № 1, 3—15.
- Фетисов А.А. 2018. Исследования прибрежной части Моховского археологического комплекса в контексте изучения «портовых зон» Восточной Европы. *Юго-Восточная Беларусь: археология, ранняя история, памятники*. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 50—63.

- Формозов А.А. 2022. *Древнейшие этапы истории Европейской России*. М.: Наука.
- Хамайко Н. 2017. Кочевнические элементы в материальной культуре Руси X века (на примере погребений Шестовицкого могильника). *Colloquia Russica. Seria I. T. 7. Русь и мир кочевников (вторая половина IX—XVI в.)*. Под ред. В. Нагирного. Краков: Jagiellonian University, 71—86.
- Циммерлинг А.В. 2021. Имена и сообщества: варяги, колбяги и викинги вокруг Балтики. *Гуманитарный полилог*. Сб. ст. к юбилею Е.М. Чекалиной. М., 247—254.
- Чернецов А.В. 2003. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа. *Русь в XIII в. Древности тёмного времени*. Отв. ред. Н.А. Макаров и А.В. Чернецов. М.: Наука, 12—17.
- Шевченко Ю.Ю. 1999. Княжна-амазонка в парном погребении Чёрной могилы. *Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы*. Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. XLVII. СПб.: Петербургское востоковедение, 9—22.
- Щавелев А.С. 2007. Известие Ипатьевской летописи о Чёрной могиле (К вопросу об имени погребённого князя). *Чернігів у сереньовічній та ранньомодерній історії центрально-східної Європи*. Зб. наукових праць, присвяч. 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів: Деснянська правда, 100—106.
- Щавелев А.С. 2012. Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство. *История*. Т. 3. Вып. 5 (13). URL: <https://history.jes.su/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 28.08.2023).
- Щавелев А.С. 2013. Заметки о деталях погребения в кургане «Чёрная могила». *Слов'яне і Русь: археологія та історія*. Збірка праць на пошану дійсного члена національної академії наук України П.П. Толочко. З нагоди його 75-річчя. Київ: Корвін-прес, 353—355.
- Щавелев А.С. 2020. *Хронотоп держави Рюриковичей (911—987 годы)*. М.: Аквилон.
- Щавелев А.С. 2021. *Языческие политии юга-запада Восточно-Европейской равнины IX—X вв.: механизмы формирования властных и территориальных структур в исторической динамике*. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: Институт всеобщей истории РАН.
- Щавелев А.С. 2023. *Русь, народ IX — первой половины XI в.* URL: <https://znaniya.org/> (в процессе подготовки к публикации).
- Щавелев А.С., Фетисов А.А. 2017. К исторической географии Восточной Европы IX в. — 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов. *Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье*. Отв. ред. тома А.С. Щавелев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 278—328.
- Щавелев А.С., Фетисов А.А. 2022. Карта вожества X в. в Верхнем Поднепровье: к методике пространственной реконструкции архаических политий. *История*. Т. 13. Вып. 8 (118). URL: <https://history.jes.su/s207987840022563-8-1/> (дата обращения: 28.08.2023). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840022563-8>.
- Щавелев А.С., Фетисов А.А. 2022а. Карта культурно-археологических ареалов Восточно-Европейской равнины X в. (к постановке проблемы). *История*. Т. 13. Вып. 5 (115). URL: <https://history.jes.su/s207987840021547-0-1/> (дата обращения: 28.08.2023). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840021547-0>.
- Androshchuk F. 2013. *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800—1100)*. Uppsala: Uppsala University.

- Cardini F. 2014. *Alle Radici Della Cavalleria Medievale*. Bologna: Società ed. il Mulino.
- Christaller W. 1972. "How I Discovered the Theory of Central Places?" A Report about the Origin of Central Places. *Man, Space & Environment: Concepts in Contemporary Human Geography*. Ed. by P.W. & R.C. Mayfield. Oxford: Oxford University Press, 601—610.
- Curta F. 2021. *Slavs in the Making. History, Linguistics, and Archaeology in Eastern Europe (CA. 500 — CA. 700)*. London; New York: Routledge.
- Danilenko A. 2004. Urmene, Varjagi and Other (Nordic) Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle. *Byzantinoslavica*. Vol. 62 (1), 173—206.
- Duczko W. 2004. Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. *The Northern World*. Vol. 12. Leiden; Boston: Brill.
- Janowski A. 2015. *Groby komorowe w Europie Środkowo-wschodniej. Problemy wybrane*. Szczecin: Instytut Archeologii i Etnologii PAN.
- Jesch J. 2015. *The Viking Diaspora. The Medieval World*. Ser. eds. W.C. Brown, P. Górecki. London, New York: Routledge.
- Johnson M. 2020. *Archaeological Theory. An Introduction*. Oxford: Blackwell Publ. Ltd.
- Kainov S. 2022. The "Large" Sword from Chorna Mohyla: Preliminary Results of a New Study. *A Viking Century Chernihiv Area from 900 to 1000 AD*. Ed. by S. Stepanenko. Paris: ACHCByz, 153—172.
- Klejn L.S. 1993. To Separate a Centaur: On the Relationship of Archaeology and History in Soviet Tradition. *Antiquity*. No. 67 (255), 339—348.
- Korpela J. 2008. The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone c. 1000—1555. *Nordische Geschichte*. № 7. Berlin.
- McGeer E. 2008. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. Washington D.C.: Dumbarton Oaks.
- Musin A.E. 2010. Russian Medieval Culture as an "Area of Preservation" of the Byzantine Civilization. *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art*. Series: Byzantina. Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art. Vol. VIII. Ed. by P. Grotowski & S. Skrzyniarz. Warsaw: Neriton, 11—44.
- Musin A.E. 2020. North-Western Russia in the First Millennium AD: New Challenges for a Traditional Archaeological Panorama. *Quo vadis, Frühgeschichtliche Archäologie? Standpunkte und Perspektiven*. Ed. by R. Pien, J. Drauschke. Hamburg: Verlag Dr. Kova, 271—307.
- Paroń A. 2021. *The Pechenegs: Nomads in the Political and Cultural Landscape of Medieval Europe*. Transl. by T. Anessi. East Central & Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450. Vol. 74. Leiden; Boston: Brill.
- Randsborg K. 2000. Colonization: Greek & Viking. *Acta Archaeologica, Supplementa*. Vol. II, 171—182.
- Roberts B.W., Linden M.V. 2011. Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, & Transmission. *Investigating Archaeological Cultures. Material Culture, Variability & Transmission*. New York: Springer, 1—21.
- Shchhavelev A.S. 2020. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century. *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer, 283—292.
- Sheel R. 2015. Skandinavien und Byzanz. Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. *Historische Semantik*. Bd. 23. Vol. I—II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

**GENESIS OF THE OLD RUSSIAN
ARCHAEOLOGICAL CULTURE
OF THE LATE 9th — BEGINNING OF THE 12th CENTURY:
PROBLEMS AND PROSPECTS
OF CONCEPTUALISATION²**

A.S. Shchavelev

The paper offers the first outline in historiography of conceptualization of the notion ‘Old Russian archaeological culture’. Until now, this concept of archaeology has seemed self-evident and as if it did not need to be described and analysed. Now there is a need to elaborate it on the basis of the modern level of accumulated data and theoretical tools of archaeology, involving its consideration in the light of historical, socio-cultural and political anthropology. The paper offers a periodization of genesis and evolution of the Old Russian archaeological culture: bifurcational period of the 8th–9th centuries, formative — the 10th century, akmetical — the 11th century and classical — the 12th–13th centuries. Different components that became the basis of Old Russian archaeological culture are cumulated — East-Viking (Scandinavian and Circum-Baltic traditions), endemic (Slavic and Forest Zone cultures traditions), nomadic (Great Steppes influences), Byzantine (both classical and limes contribution) and Romano-Latin (again — classical post-Roman and limes contribution). It has been demonstrated that Old Russian archaeological culture emerged in the cities that appeared at the turn of the 9th to the 10th century, its main distinctive features were formed in the middle of the 10th and early 11th centuries and it was only by the beginning of the 12th century that it covered the entire territory of political control of the Rurikid lineage (dynasty).

Keywords: archaeological culture, archaeological periodization, Old Russian archaeological culture, Early Middle Ages, Slavs, Scandinavians, Rus’.

R E F E R E N C E S

- Gavritukhin I.O. 2009. Ponyatiye Prazhskoy kul'tury [The Notion of Prague Culture]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, no. 49. Slozheniye russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta*. Saint Petersburg, 7–25.
- Grigor'ev A.V., Sarachev I.G. 1999. O vremeni gibeli Romenskoj kul'tury [About the Time of Demise Romny Culture]. *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii*, vol. 5: Istoriya i kul'tura drevnikh i srednevekovykh slavjan [Works of the VI International Congress of Slavic Archaeology. Vol. 5: History and Culture of Ancient and Medieval Slavs]. Moscow: URSS, 341–353.

²This article was prepared in the process of fulfilling a state assignment by the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

- Danilevskiy I.N. 2016. Russkiye zemli v pravovoy sisteme ulusa Dzhuchi [Russian Lands in the Legal Framework of Ulus of Jochi]. *Trudy po rossiyevedeniyu*, no. 6, 201—219.
- Drevnyaya Rus' 1985: Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Old Rus'. City, Castle, Village]. *Arkheologiya SSSR* [Archaeology of the USSR]. Executive ed. B.A. Kolchin. Moscow: Nauka.
- Drevnyaya Rus' 1997: Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Old Rus'. Everyday Life & Culture]. *Arkheologiya SSSR* [Archaeology of the USSR]. Executive eds. B.A. Kolchin, T.I. Makarova. Moscow: Nauka.
- Eremeev I.I. 2007. Novgorodskiy sopki i bol'shie kurgany Sredney Shvetsii: problemy sravnitel'nogo issledovaniya [Novgorod Sopkas & Great Mounds of Middle Sweden: Problems of Comparative Research]. *U istokov russkoy gosudarstvennosti. K 30-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgorodskogo Ryurikova gorodishcha i Novgorodskoy oblastnoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Istoriko-arkheologicheskii sbornik* [At the Origins of Russian Statehood. On 30th Anniversary of Archeological Research of Novgorod Rurik's Settlement and Novgorod Regional Archeological Expedition. Historic-archeological Collection]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 240—255.
- Eremeev I.I. 2015. *Drevnosti Polotskoy zemli v istoricheskom izuchenii Vostochno-Baltiyskogo regiona (Ocherki srednevekovoy arkheologii i istorii Pskovsko-Belorusskogo Podvin'ya)* [Antiquities of Polotsk Land in the Historical Research of Eastern Baltic Area. Essays on Medieval Archaeology and History of Pskov-Belorussian Dvina Area]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Eremeyev I.I., Dzyuba O.F. 2010. *Ocherki istoricheskoy geografii lesnoy chasti puti «Iz varyag v greki»*. *Arkheologicheskkiye i paleogeograficheskkiye issledovaniya mezhdru Zapadnoy Dvinoi i ozerom Il'men'* [Essays of Historical Geography of The Forest Part of the "Route from Varangians to Greeks". Archaeological and Palaeogeographic Researches between Western Dvina and Lake Ilmen]. At participation of O.V. Lisitsyna, O.A. Tarabardina, I.Yu. Dymkaya, M.V. Sablin, A.V. Danilova, E.Yu. Meshcheryakova. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Eremeev I.I., Yansson I., Soderberg S. 2010. Kurgan v Vibyu (Uppland) i problema proiskhozhdeniya bol'shikh «druzhinnykh» kurganov Drevney Rusi [Mound in Viby (Uppland) & a Problem of Genesis of "Great Retinue" Mounds in Old Rus']. *Dialog kul'ur i narodov srednevekovoy Yevropy. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova* [Dialog of Cultures and Peoples of Medieval Europe. On the 60th Anniversary of E.N. Nosov]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 206—223.
- Kainov S.Yu. 2014. Nachal'nyye etapy formirovaniya drevnerusskogo kompleksa boevykh sredstv [The Early Stages of the Formation of Old Russian Complex of Military Gears]. *Voinskiye traditsii v arkheologicheskoy kontekste: ot pozdnego Latena do pozdnego Srednevekov'ya* [Military Traditions in Archaeological Context: from the Late La Tène to the Late Middle Ages]. Tula: GVIPMZ «Kulikovo pole», 98—101.
- Kainov S.Yu. 2018. Pogrebeniya s predmetami vooruzheniya Gnezdovskogo nekropolya [Burials with Weapon Items in the Gnezdovo Necropolis]. *Trudy GIM, iss. 210. Gnezdovskiy arkheologicheskii kompleks. Materialy i issledovaniya*, iss. 1. Moscow: GIM, 211—339.
- Kainov S.Yu., Kovalenko E.S., Podurets K.M., Glazkov V.P., Murashev M.M., Presnyakova N.N., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B. 2021. Nakonechnik strely iz kurgana Chernaya mogila: novye rezul'taty issledovaniy [An Arrowhead from

- the Mound “Black Grave”: New Results of Investigation]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 2, 108—122.
- Konovalova I.G., Mel'nikova E.A. 2018. *Drevnyaya Rus' v sisteme yevraziyskikh kommunikatsiy IX—X vekov* [Old Rus' in the System of Eurasian Communications 9th—10th Centuries]. Moscow: Ves' mir.
- Kradin N.N. 2021. Arkheologicheskiye kul'tury i konstruirovaniye etnichnosti [Archeological Cultures & Construction of Ethnicity]. *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzglyad*. K yubileyu akad. V.A. Tishkova [Anthropology and Ethnology: Modern View. On the Anniversary of academician V.A. Tishkov]. Executive eds. A.V. Golovnev, E.-B.M. Guchinova. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 374—387.
- Kradin N.N., Skrynnikova T.D. 2022. *Imperiya Chingis-khana* [Genghis Khan's Empire]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Kuza A.V. 1996. *Drevnerusskie gorodishcha X—XIII vv. Svod arkheologicheskikh pamyatnikov* [Old Russian Hillforts, 10th—13th c. Corpus of Archeological Monuments]. Moscow: Khristianskoe izdatel'stvo.
- Kuleshov V.S. 2012. Eshche raz o vostochnoyevropeyskoy toponimicheskoy osnove *šlaṭ- v svyazi s etnonimiyey *šlaṭ-ēn-aṭ i problemoy proiskhozhdeniya drevneyshikh sloven [Once Again about Eastern European Word Stem *šlaṭ- in the Connection with Ethnonym *šlaṭ-ēn-aṭ & the Problem of Emergence of Old Russian Slovene]. *Istoki slavyanstva i Rusi*. Sb. st. po materialam X chteniy pamyati A. Machinskoy [The Origins of the Slavic and Rus. Collection of Papers after the 10th Conference to Commemorate A. Machinskaya]. Saint Petersburg, 128—139.
- Lange-Soboleva T.A. 2021. Problema raskrytiya termina «kontseptualizatsiya» v sovremennoy lingvistike [The Problem of Disclosure of the Term “Conceptualisation” in the Contemporary Linguistic]. *Nauka i obrazovaniye segodnya*, no. 6 (65), 27—32.
- Leont'yev A.E., Nosov E.N. 2012. Vostochnoyevropeyskiye puti i torgovyie svyazi v kontse VIII—X vv. [Eastern Europe Routes & Trade Connections in the End of the 8th—10th Centuries]. *Rus' v IX—X vekakh. Arkheologicheskaya panorama* [Rus at 9th—10th Centuries. Archaeological Panorama]. Executive ed. N.A. Makarov. Moscow, Vologda: Drevnosti severa, 383—401.
- Lesman Yu.M. 2014. Skandinavskiy komponent drevnerusskoy kul'tury [Scandinavian Component of the Old Russian Culture]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, no. 5, 43—93.
- Lopatin N.V. 2014. O zadachakh sostavleniya spravochnika terminov kul'turno-khronologicheskoy atributsii v arkheologii Rossii [About the Aims of the Compiling of the Handbook of Terms of Cultural & Chronological Attribution in the Archeology of Russia]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, iss. 236. Executive ed. N.A. Makarov. Moscow: YASK, 365—369.
- Makarov N.A. 2003. Rus' v XIII veke: kharakter kul'turnykh izmeneniy [Rus' in the 13th Century: The Nature of Cultural Changes]. *Rus' v XIII v. Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the 13th Century. Antiquities of the Dark Times]. Executive eds. N.A. Makarov, A.V. Chernetsov. Moscow: Nauka, 5—11.
- Makarov N.A. 2007. Arkheologicheskoye izucheniye drevnerusskoy derevni X—XIII vekov [Archaeological Research of Old Russian Village of the 10th—13th Centuries]. *Arkheologiya severorusskoy derevni X—XIII vekov. Srednevekovyye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere. Vol. 1. Poseleniya i mogil'niki* [Archaeology of Northern Russian Village, 10th—13th Centuries. Medieval Settlements & Graveyards

- on Kuben Lake. Vol. 1. Settlements & Graveyards]. Executive ed. N.A. Makarov. Moscow: Nauka, 7–20.
- Makarov N.A. 2012. Istoricheskiye svidetel'stva i arkheologicheskiye realii: v poiskakh sootvetstviy [Historical Evidence & Archaeological Realities: In the Search of Coincides]. *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaya panorama* [Rus' at 9th – 10th Centuries. Archeological Panorama]. Executive ed. N.A. Makarov. Moscow, Vologda: Drevnosti severa, 449–459.
- Makarov N.A. 2012a. Predisloviye [Introduction]. *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaya panorama* [Rus' at 9th – 10th Centuries. Archeological Panorama]. Executive ed. N.A. Makarov. Moscow, Vologda: Drevnosti severa, 6–9.
- Makarov N.A. 2017. Urbanizatsiya Severo-Vostochnoy Rusi v XI — pervoy polovine XIII v.: razmery gorodskikh territoriy [Urbanization of Northern-Eastern Rus' in the 11th — First Part of the 13th c.: Dimensions of the Urban Territories]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 4, 57–69.
- Makarov N.A., Zaytseva I.E. 2016. Beskurgannyye ingumatsii v mogil'nike Shekshovo: novyye materialy k izucheniyu drevnerusskogo pogrebal'nogo obryada XI v. [Ground Inhumations in the Necropolis Shekshovo: New Materials to the Study of Old Russian Burial Custom in the 11th Century]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdal'skoy zemli. Materialy nauchnogo seminara. Iss. 6.* Executive ed. N.A. Makarov. Moscow: IA RAN, 186–199, 343–346.
- Mel'nikova E.A. 2018. *Sushchestvovaniye drevnerusskoy narodnosti i vospriyatiye naslediya Drevney Rusi kak obshchego fundamenta istorii Rossii, Ukrainy i Belarusi (Trudnyye voprosy istorii Rossii)* [The Existence of Old Russian 'Narodnost' & the Comprehension of Old Russian Inheritance as a Common Ground of History of Russia, Ukraine & Belarus. Complicated Questions of the History of Russia]. Moscow: GAUGN-Press.
- Milov L.V. 2006. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [Great-Russian Plowman and Peculiarities of Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN.
- Mikhaylov K.A. 2012. Sravnitel'naya topografiya pervykh drevnerusskikh gorodov IX–X vv. (k yubileyu odnoy stat'i) [Comparative Topography of the First Old Russian Urban-Centers of the 9th–10th Centuries (for the Anniversary of One Article)]. *Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Northern Rus and Problems of Formation of Old-Russian State. Materials of the International Scientific Conference]. Executive ed. S.D. Zakharov. Vologda: Drevnosti severa, 5–20.
- Mikhaylov K.A. 2016. *Elitarnyy pogrebal'nyy obryad Drevney Rusi: kamernyye pogrebeniya IX — nachala XI v. v kontekste severoevropeyskikh analogiy* [Elite Burial Rite in Old Rus': Chamber Tombs of 9th — Beginning 11th Century in the Context of Northern-European Analogies]. Saint Petersburg: Branko.
- Mikhaylova E.R. 2019. Drevnerusskiye goroda v epokhu vikingov. Novye knigi o davney problem [Old Russian Cities in the Viking Age. New Books about Old Problem]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, no. 5 “Ognem i mehom”, 383–393.
- Morgunov Yu.Yu. 2009. *Drevo-zemlyanyye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vekov* [Timber-Ground Fortifications of Sothern Rus', 10th–13th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Morgunov Yu.Yu. 2019. *Istoricheskaya geografiya Pereyaslavskoy zemli (Svyatoslav Igorevich — Yaropolk Vladimirovich)* [Historical Geography of Pereyaslavl' Land (Svyatoslav Igorevich — Yaropolk Vladimirovich)]. Vologda: Drevnosti Severa.

- Mordvintseva V.I. 2020. Sarmatskaya arkheologicheskaya kul'tura: ot spekulyativnoy modeli k setevoy [Sarmatian Archaeological Culture: From Speculative Model to Networking]. *Vestnik drevney istorii*, no. 80 (4), 1062—1083.
- Mordvintseva V.I. 2021. Setevyye svyazi varvarskikh elit Volgo-Donskogo regiona (III v. do n.e. — ser. III v. n.e.) [Networking Connections of Barbarian Elites in the Volga — Don Area (3rd c. B.C. — mid of 3rd c. A.D.)]. *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 3—59.
- Motsya A.P. 1990. *Pogrebal'nyye pamyatniki yuzhnorusskikh zemel' IX—XIII vv.* [Burial Monuments of Southern Russian Lands, 9th—13th Centuries]. Kiev: Naukova dumka.
- Murasheva V.V., Panin A.V., Shevtsov A.O., Malysheva N.N., Zazovskaya E.P., Zaretskaya N.E. 2020. Vremya vozniknoveniya poseleniya Gnezdovskogo arkheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniya [The Date of Emergence of Gnezdovo Archaeological Complex According to the Data of Radiocarbon Dating]. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 4, 70—86.
- Musin A.E. 2002. *Khristianizatsiya Novgorodskoy zemli v IX—XIV vekakh. Pogrebal'nyy obryad i khristianskiye drevnosti* [Christian Antiquities of the Novgorod Land in the 9th — 14th Centuries. Burial Rite and Christian Antiquities]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye.
- Musin A.E., Stanislavski B.M. 2022. Ladoga i Volin kak uzlovyye tsentry transbaltiyskikh kontaktov mezhdru pol'skimi zemlyami i Severo-Zapadom Vostochnoy Yevropy [Ladoga & Volin as Nodal Centres of Trans-Baltic Contacts between Polish Lands & North-West of Eastern Europe]. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, no. 5, 361—382.
- Petrenko V.P. 1994. *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Severnoy Rusi VIII—X vv. Sopki severnogo Povolkhov'ya* [Burial Rite of Population of Northern Rus', 8th—10th Centuries. Sopka's of Upper Volkhov Area]. Saint Petersburg: Nauka.
- Petrov N.I. 1999. *Mogily prevysokiye: Yazycheskiye kurgany plemennoy aristokratii Severo-Zapadnoy Rusi VIII—XI vv.* [Highest Mounds: Heathen Burials of the Tribal Aristocracy of the Northern-Western Rus', 8th—11th Centuries]. Budapest: Open Society Institute.
- Petrov N.I. 2017. Slovenin «Russkoy Pravdy» i slovene «Povesti vremennykh let». [Slovenin of the “Russian Justice” & Slovene of the “Primary Chronicle”]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1, 31—51.
- Platonova N.I. 2017. Drevnerusskaya kul'tura i drevnerusskaya elita: problemy i perspektivy issledovaniy [Old Russian Culture & Old Russian Elite: Problems & Perspectives of Research]. *Élite ou égalité. Severnaya Rus' i kul'turnyye transformatsii v Yevrope VII—XII vv* [Élite ou égalité. Northern Rus' and Cultural Transformations in Europe in 7th — 12th Centuries]. Executive ed. N.I. Platonova. Saint Petersburg: Branko, 9—29.
- Platonova N.I. 2019. Problema stanovleniya goroda v Severnoy Rusi: zametki arkheologa [A Problem of the Emergence of Urban-Centers in Northern Rus': Notes of Archaeologist]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2, 109—134.
- Pletneva S.A. 1999. *Ocherki khazarskoy arkheologii* [Essays in Khazar Archaeology]. Moscow; Jerusalem: Mosty kul'tury.
- Pushkina T.A. 2012. Rannegorodskiy mogil'nik Drevney Rusi IX—XI vv. (neskol'ko obshchikh nablyudeniy) [Early Urban Necropolises of Old Rus', 9th — 11th Centuries (A Few General Observations)]. *Drevnerusskiy nekropol' Pskova X — nachala XI v. (po materialam raskopov na territorii Srednego goroda)* [Old-Russian Necropolis of Pskov of 9th — Beginning of 11th Centuries (by the Materials

- of Excavations at the Territory of Middle City)]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 5—25.
- Ryabtseva S.S. 2005. *Drevnerusskiy yuvelirnyy ubor. Osnovnyye tendentsii formirovaniya* [Old Russian Jewellery. The Main Tendencies of Formation]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Sorokin P.E. 2018. Pogrebal'nye lad'i na territorii Drevney Rusi [Burial Boats on the Territory of Old Rus']. *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, no. 5, 235—250.
- Stal'sberg A. 1998. O skandinavskikh pogrebeniyakh s lodkami epokhi vikingov na territorii Drevney Rusi [About Scandinavian Burials with Boats in the Viking Age on the Territory of Old Rus']. *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy*. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Historical Archaeology. Traditions and Prospects. On the 80th Anniversary of D.S. Avdusin]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 277—287.
- Trepavlov V.V. 2021. «Russkiy ulus» Zolotoy Ordy [“Russian Ulus” of the Golden Horde]. *Rossiyskaya istoriya*, no. 1, 3—15.
- Fetisov A.A. 2018. Issledovaniya pribrezhnoy chasti Mokhovskogo arkheologicheskogo kompleksa v kontekste izucheniya «portovykh zon» Vostochnoy Yevropy [A Research of the Coastal Part of Mokhov Archaeological Complex in the Context of the Research of the “Harbour Zones” of the Eastern Europe]. *Yugo-Vostochnaya Belarus': arkheologiya, rannyya istoriya, pamyatniki* [Southeastern Belarus: Archaeology, Early History, Relicts]. Gomel': GGU im. F. Skoriny, 50—63.
- Formozov A.A. 2022. *Drevneyshiye etapy istorii Yevropeyskoy Rossii* [The Earliest Stages of History of the European Part of Russia]. Moscow: Nauka.
- Khamayko N. 2017. Kochevnicheskiye elementy v material'noy kul'ture Rusi X veka (na primere pogrebeniy Shestovitskogo mogil'nika) [The Nomad Elements in the Material Culture of Rus' of the 10th Century (On the Example of Burials of Shestovitsi Graveyard)]. *Colloquia Russica*, series 1, vol. 7 Rus' i mir kochevnikov (vtoraya polovina IX—XVI v.) [Rus' & the World of the Nomads (The Second Half of the 9th — 16th Century)]. Ed. by V. Nagirnyy. Krakow: Jagiellonian University, 71—86.
- Tsimmerling A.V. 2021. Imena i soobshchestva: varyagi, kolbyagi i vikingi vokrug Baltiki [Names & Communities: Varangians, Kolbyags & Vikings around the Baltic]. *Gumanitarnyy polilog*. Sb. st. k yubileyu E.M. Chekalinoy [Hymanitarian Polylogue. Collection of Papers on the Jubilee of E.M. Chekalina]. Moscow, 247—254.
- Chernetsov A.V. 2003. K probleme otsenki istoricheskogo znacheniya mongolotatarskogo nashestviya kak khronologicheskogo rubezha [To the Problem of the Appraisal of Historical Significance of Mongol Invasion as a Chronological Border]. *Rus' v XIII v. Drevnosti temnogo vremeni* [Rus' in the 13th Century. Antiquities of the Dark Times]. Executive eds. N.A. Makarov, A.V. Chernetsov. Moscow: Nauka, 12—17.
- Shevchenko Yu.Yu. 1999. Knyazhna-amazonka v parnom pogrebenii Chernoy mogily [Princess-Amazon in Double Burial “Black Grave”]. *Zhenshchina i veshchestvennyy mir kul'tury u narodov Rossii i Yevropy*. Sb. Muzeya antropologii i etnografii [Woman & Material World of Culture & Peoples of Russia & Europe], vol. XLVII. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 9—22.
- Shchhavelev A.S. 2007. Izvestiye Ipat'yevskoy letopisi o Chernoy mogile (K voprosu ob imeni pogrebennoy knyazya) [An Account of Hypatian Chronicle about “Black Grave” (The Question of the Name of Buried Prince)]. *Chernigiv*

- u seren'ovichniy ta rann'omoderniy istorii Tsentral'no-skhidnoi Yevropii*. Zb. nauk. prats', prisvyach. 1100-littyu pershoi litopisnoi zgdaki pro Chernigiv [Chernihiv in Medieval & Early Modern History of Central & Eastern Europe. Collected Scientific Papers. Dedicated to the 1100 year Jubilee of the First Chronicle Issue about Chernihiv]. Chernigiv: Desnyans'ka pravda, 100—106.
- Shchhavelev A.S. 2012. Chernigovskaya Rus' Mstislava Vladimirovicha: nesostoyavsheyesya gosudarstvo [Chernihiv Rus' of Mstislav Vladimirovitch: Manqué-State]. *Istoriya*, vol. 3, iss. 5 (13). Available at: <https://history.jes.su/s207987840000420-1-1/> (accessed: 28.08.2023).
- Shchhavelev A.S. 2013. Zametki o detalyakh pogrebeniya v kurgane «Chernaya mogila» [Notes about Details of Burial in the Mound “Black Grave”]. *Slov'yane i Rus': arkheologiya ta istoriya*. Zbirka prats' na poshanu diysnogo chlena natsional'noi akademiii nauk Ukraïni P.P. Tolochko. Z nagodi yogo 75-richchya [The Slavs and Rus: Archaeology and History. Collection of Papers on the 75th Anniversary of Active Member of the National Academy of Sciences of Ukraine P.P. Tolochko]. Kyiv: Korvin-press, 353—355.
- Shchhavelev A.S. 2020. *Khronotop derzhavy Ryurikovichey (911—987 gody)* [Chronotope of the Rurikid Polity (911—987)]. Moscow: Akvilon.
- Shchhavelev A.S. 2021. *Yazycheskiye politii yuga-zapada Vostochno-Yevropeyskoy ravniny IX—X vv.: mekhanizmy formirovaniya vlastnykh i territorial'nykh struktur v istoricheskoy dinamike*. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Heathen Politics of the South-West of Eastern European Plain in the 9th — 10th Centuries: Mechanisms of Formation of Power & Territorial Structures in their Historical Dynamics: Author's abstract of the doctor in hist. sci. diss.]. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN.
- Shchhavelev A.S. 2023. *Rus', narod IX — pervoy poloviny XI v.* [Rus', People of the 9th — First Half of the 11th Century]. Available at: <https://znaniya.org/> (in the process of publication).
- Shchhavelev A.S., Fetisov A.A. 2017. K istoricheskoy geografii Vostochnoy Yevropy IX v. — 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov [Historical Geography of Eastern Europe of the 9th Century. Part 2: A Map of Scandinavian Complexes & Artifacts]. *Drevneyshiy gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 2015. Ekonomicheskkiye sistemy Yevrazii v ranneye Srednevekov'ye* [Ancient States of Eastern Europe. 2015. Economic systems of Eurasia at the Early Middle Ages]. Executive ed. A.S. Shchhavelev. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 278—328.
- Shchhavelev A.S., Fetisov A.A. 2022. Karta vozhdstva X v. v Verkhnem Podneprov'ye: k metodike prostranstvennoy rekonstruktsii arkhaiskikh politiy [The Map of a Chiefdom of the 10th Century in the Upper Dnieper Area: Towards the Methodology of Spatial Reconstruction of Archaic Politics]. *Istoriya*, vol. 13, iss. 8 (118). Available at: <https://history.jes.su/s207987840022563-8-1/> (accessed: 28.08.2023). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840022563-8>.
- Shchhavelev A.S., Fetisov A.A. 2022a. Karta kul'turno-arkheologicheskikh arealov Vostochno-Yevropeyskoy ravniny X v. (k postanovke problemy) [The Map of Cultural-Archaeological Areas of Eastern-European Plain in the 10th Century (To the Problem Posed)]. *Istoriya*, vol. 13, iss. 5 (115). Available at: <https://history.jes.su/s207987840021547-0-1/> (accessed: 28.08.2023). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840021547-0>.
- Androshchuk F. 2013. *Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800—1100)*. Uppsala: Uppsala University.

- Cardini F. 2014. *Alle Radici Della Cavalleria Medievale*. Bologna: Società ed. il Mulino.
- Christaller W. 1972. "How I Discovered the Theory of Central Places?" A Report about the Origin of Central Places. *Man, Space & Environment: Concepts in Contemporary Human Geography*. Ed. by P.W. & R.C. Mayfield. Oxford: Oxford University Press, 601—610.
- Curta F. 2021. *Slavs in the Making. History, Linguistics, and Archaeology in Eastern Europe (CA. 500 — CA. 700)*. London, New York: Routledge.
- Danilenko A. 2004. Urmene, Varjagi and Other (Nordic) Peoples in the Cosmography of the Primary Chronicle. *Byzantinoslavica*, vol. 62 (1), 173—206.
- Duczko W. 2004. Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. *The Northern World*, vol. 12. Leiden, Boston: Brill.
- Janowski A. 2015. *Groby komorowe w Europie Środkowo-wschodniej. Problemy wybrane*. Szczecin: Instytut Archeologii i Etnologii PAN.
- Jesch J. 2015. *The Viking Diaspora. The Medieval World*. Ser. eds. W.C. Brown, P. Górecki. London, New York: Routledge.
- Johnson M. 2020. *Archaeological Theory. An Introduction*. Oxford: Blackwell Publ. Ltd.
- Kainov S. 2022. The "Large" Sword from Chorna Mohyla: Preliminary Results of a New Study. *A Viking Century Chernihiv Area From, 900 to 1000 AD*. Ed. by S. Stepanenko. Paris: ACHCByz, 153—172.
- Klejn L.S. 1993. To Separate a Centaur: On the Relationship of Archaeology and History in Soviet Tradition. *Antiquity*, no. 67 (255), 339—348.
- Korpela J. 2008. The World of Ladoga. Society, Trade, Transformation and State Building in the Eastern Fennoscandian Boreal Forest Zone c. 1000—1555. *Nordische Geschichte*, no. 7. Berlin.
- McGeer E. 2008. *Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century*. Washington D.C.: Dumbarton Oaks.
- Musin A.E. 2010. Russian Medieval Culture as an "Area of Preservation" of the Byzantine Civilization. *Towards Rewriting? New Approaches to Byzantine Archaeology and Art*. Series: Byzantina. Studies on Byzantine and Post-Byzantine Art, vol. 8. Ed. by P. Grotowski, S. Skrzyński. Warsaw: Neriton Publ., 11—44.
- Musin A.E. 2020. North-Western Russia in the First Millennium AD: New Challenges for a Traditional Archaeological Panorama. *Quo vadis, Frühgeschichtliche Archäologie? Standpunkte und Perspektiven*. Ed. by R. Pien, J. Drauschke. Hamburg: Verlag Dr. Kova, 271—307.
- Paroń A. 2021. *The Pechenegs: Nomads in the Political and Cultural Landscape of Medieval Europe*. Transl. by T. Anessi. East Central & Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450, vol. 74. Leiden, Boston: Brill.
- Randsborg K. 2000. Colonization: Greek & Viking. *Acta Archaeologica, Supplementa*, vol. II, 171—182.
- Roberts B.W., Linden M.V. 2011. Investigating Archaeological Cultures: Material Culture, Variability, & Transmission. *Investigating Archaeological Cultures. Material Culture, Variability & Transmission*. New York: Springer, 1—21.
- Shchhavelev A.S. 2020. Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century. *The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives*. Ed. by D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham: Springer, 283—292.
- Sheel R. 2015. Skandinavien und Byzanz. Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. *Historische Semantik*, bd. 23, vol. I—II. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.